

² *Lubelski T. Historia kina polskiego. Twórcy, filmy, konteksty. Katowice, 2009. S. 261.*

³ *Вайль П., Генис А. 60-е. Мир советского человека. М., 2013. С. 374.*

⁴ *Трошин А.С. Иштван Сабо: темы и вариации. М., 2008. С. 76.*

⁵ *Вирен Д.Г. Структура кристалла по-русски // Наше время. 2007. № 29. С. 13.*

⁶ *Богомолов Ю.А. Смены вех // Кино в меняющемся мире. М., 2016. Ч. 1. С. 67.*

В приведенной цитате есть известная путаница, которую хотелось бы уточнить: «польская киношкола», конечно, предшествовала «кино морального беспокойства, но никак не была его частью.

DOI 10.31168/2619-0869.2018.3.1.5

М. А. Ламм

Мост на Немане. Эссе А.Н. Карпюка «Из истории гродненского моста, 1392–1944»

В век глобализации и постепенного исчезновения местечковых и региональных различий особенно интересным представляется изучение провинциальной литературы, вслед за В.Л. Кагановским мы понимаем провинцию как «полноценное культурное бытие»¹. Западная Белоруссия — особый регион, тесно связанный культурно-историческими узами с Россией, Литвой и Польшей. Алексей Никифорович Карпюк (1920–1992) — западнобелорусский писатель, журналист и музейный работник — всю свою жизнь провел на «кресах восточных». Сегодня его имя носит одна из улиц города Гродно. Характерной особенностью поэтического мировосприятия писателя является глубокое чувство принадлежности своей малой родине. А.Н. Карпюк родился в небольшой деревне Сташавы в окрестностях Белостока. Учился в польской гимназии в Вильнюсе (Литва), позднее поступил в педагогическое училище в г. Новогрудок (Белоруссия). Данная территория представляла собой единое культурное пространство с особыми традициями, языком и бытом. Жители этих земель нередко называли себя «тутэйшыми» в переписях населения, не ощущая себя в полной мере ни

поляками, ни белорусами, ни литовцами. Особая культура белорусско-польско-литовского пограничья становится главной темой в творчестве Карпюка.

Его биография и литературная деятельность неразрывно связаны с непростой судьбой региона, который на протяжении XX в. многократно переходил из рук в руки, подвергался различным культурным и идеологическим влияниям, в результате чего региональное западнобелорусское самосознание оказалось почти неуместным. Писатель еще подростком принимал участие в антипольском сопротивлении, во время Второй мировой войны командовал партизанским отрядом, а после войны Карпюк, разочаровавшись в новых реалиях, выступал с критикой советской власти. Причиной этого бунтарства стала приверженность писателя к самобытным традициям и укладу Гродненщины. Каждая система — как польская или советская власть в регионе, так и немецкая оккупация — стремилась ввести в самодостаточном и цельном регионе культурные и литературные нормы центра. В подобных условиях особенно сложно было писать на белорусском языке. Как пишет о сложившейся в регионе языковой ситуации гродненская поэтесса Данута Бичель-Загнетова, в западной Белоруссии, «на пересечении границ, народов, культур и языков, где язык нашего выбора большинство всерьез не принимает, словно наш язык есть какая-то тень, где люди никак не могут разобраться, кто они — белорусы или поляки, [...] разговаривают по-русски»². Быть писателем в таких условиях предполагало выбор глобальной идеологической модели и соответствующей культурной традиции: польской (до 1939 г.) или, позднее, советской, однако «что касается Алексея Карпюка, то по отношению к нему чаще употреблялось определение — белорусский писатель»³. Это больше, чем номинация региона, это маркер принадлежности к самобытной региональной традиции: не только в тематике, но также в поэтике и образности.

Эссе «Из истории гродненского моста, 1392–1944» (3 гісторыі гродзенскага маста, 1392–1944) было опубликовано в 1983 г. в журнале «Беларусь» на белорусском языке. Как в за-

главии, так и в тексте произведения очевидна отсылка к роману Иво Андрича «Мост на Дрине». В центре художественного пространства — подвергаемая набегам и завоеваниям территория пограничья, где взаимодействуют представители разных культур. В романе И. Андрича мост, долгие века стоящий над Дриной, ощущается незыблемой материальной константой: сотворенный человеком, он может быть разрушен по воле людей. В эссе Карпюка мост скорее неизбежен: из века в век он возникает снова на том же самом месте. Сюжет не завершается разрушением, последние части произведения увлекают нас в будущее: «Говорят, самая красивая форма у моста, когда он имеет самую совершенную и современную конструкцию. Таким мы впервые увидели Новый мост. Таким у нас будут и следующие. Ибо народ наш через невзгоды и беду достиг титанического уровня, достойного космической эры. Но полет космических кораблей только продолжает стремительный путь той самой стрелы, запущенной из лука в небеса нашим пращуром в накидке из шкуры зубра, прочертившей параболу, как мост между прошлым и настоящим»⁴.

Мосты были разные, но в названии «Из истории гродненского моста» звучит единственное число, как бы подчеркивая, что Гродно — это культурный мост между востоком и западом, мост между прошлым и будущим. Как директор музея истории религии, Карпюк даже в безусловно художественном и поэтическом тексте упоминает различные документы и дает четкие ссылки на факты. Подобная дотошность литератора является важной особенностью белорусской литературы второй половины XX в. По мнению Н.М. Куренной, «даже неуглубленный анализ развития и вектор движения современной белорусской литературы свидетельствует о том, что документальность — ее характерная и наиболее значительная черта»⁵.

Образ моста в мировой культуре имеет богатое символическое наполнение, это атрибут всех известных религий, культурная универсалия. Мост, по формулировке В.Н. Топорова, «образ связи между разными точками сакрального пространства»⁶. В эссе Карпюка мост означает одновременно

множество единств: связь между народами, а также непрерывность бытия. Структурно эссе разделяется на 12 частей. Проходящая через весь текст мысль о непрерывности времени позволяет предположить аналогию с двенадцатью месяцами — непрерывностью календаря, где год сменяет год, век сменяет век, предки сменяются потомками. Это подчеркивается также структурой текста: от доисторического прошлого к настоящему. В глобальные события мировой истории, такие как открытие Америки, русско-шведская война (интересно, что Карпюк называет ее «шведско-русской») и даже освоение космоса писатель вглядывается с моста, объединяя мифологическое и физическое: «Теперь, когда ушли в прошлое горькие времена, часть народного продукта из Гродно идет через современные мосты города в Польшу, Германию, Францию и даже в чопорную Англию, так как наведение мостов между людьми, между жизнью, правдой и прогрессом на пути к цели — основной смысл человеческого существования и его деятельности»⁷.

Город Гродно, оказавшийся в силу многократных изменений границ в XX в. приграничным городом, не может быть ни замком, ни бантом на полотне железного занавеса. «Мост молчит», — неоднократно повторяет Карпюк в рассматриваемом эссе, раскрывая перед читателем историю края. Но мост — не просто конструкция: это и культура, и люди, и весь город. Сам город Гродно — мост, часть огромного пространства, соединенного общей историей: самодостаточный элемент, но ни в коем случае не изолированный. Традиции этой земли тесно переплетаются с традициями Литвы, России и Польши и все-таки на Гродненщине любят свой мост. Рассуждая об истории, писатель напоминает своим землякам о корнях и исконных — внеидеологических — ценностях пространства. Здесь особенно интересна предложенная автором датировка: 1392 (год связи с Великим княжеством Литовским) по 1944 (повторное вхождение в состав БССР). Тень древнего пращура «в накидке из шкуры зубра» словно подает знак далекому потомку, напоминая основные вехи межкультурного диалога.

Примечания

- ¹ *Каганский В.Л.* Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство. М., 2001. С. 80.
- ² *Бічэль-Загнетова Д.И.* «Сэрца людское яднаецца з сэрцам сусвету...» // *Карпюк А.* Развітанне з ілюзіямі. Гродно-Вроцлав, 2008. С. 6. Здесь и далее перевод с белорусского мой. — М.Л.
- ³ *Черепица В.Н.* Гродненский исторический калейдоскоп: очерки истории, историографии и источниковедения. Гродно, 2013. С. 256.
- ⁴ *Карпюк А.Н.* 3 гісторыі гродзенскага маста, 1392–1944. Беларусь. 1983. № 2. С. 25.
- ⁵ *Куренная Н.М.* Документализм в белорусской литературе о войне // Феномен мировых войн в истории XX века: Материалы Всероссийской научно-теоретической конференции (г. Воронеж, 11–12 мая 2017 г.). Воронеж, 2017. С. 381.
- ⁶ *Топоров В.Н.* Мост// Мифы народов мира. Т. 2. М., 1988. С. 176.
- ⁷ *Карпюк А.Н.* 3 гісторыі гродзенскага маста, 1392–1944. Эсэ. С. 25.

DOI 10.31168/2619-0869.2018.3.1.6

К. Б. Егорова

Д.Н. Вергун между русской и русинской литературами*

Одним из наиболее активных русинских культурных и политических деятелей в межвоенной Чехословакии был Дмитрий Николаевич Вергун (1871–1951). Поэт и журналист, он вел активную деятельность, направленную на популяризацию славянских идей в обществе. Вергун работал в Вене, Петербурге-Петрограде и Праге, где он провел годы эмиграции. В центре внимания Вергуна — исследователя славянского мира — был Карпаторусский край, его история, культура и литература.

Общественная, политическая и просветительская деятельность Вергуна может быть описана и проанализиро-

* Работа ведется в рамках проекта РГНФ 16-04-50095-ОГН «История одного славянского пограничья: Подкарпатская Русь в контексте литературных и эстетических исканий русской и украинской эмиграции».